Ф О Р У М

ПОДПИСКА НА ГАЗЕТУ
“ДЕНЬ ЛИТЕРАТУРЫ”
ОБЪЕДИНЁННЫЙ КАТАЛОГ
“ГАЗЕТЫ И ЖУРНАЛЫ РОССИИ...”
ИНДЕКС: 26260.
НАШ САЙТ: denlit.ru

"Как сладостно отчизну ненавидеть..."

Маргарита СИНКЕВИЧ

Зараза чужебесия, ненависть к своей Родине появились в России, конечно, не в XIX веке. Но именно в 30-40-е годы данного столетия возникла "партия", главной идеологической установкой которой стала русофобия. Лидер этой партии западников Виссарион Белинский откровенно признавался: "Мы люди без отечества – нет, хуже, чем без отечества: мы люди, которых отечество – призрак..." (Миф о Белинском как лучшем русском критике и благородном человеке успешно разрушает Юрий Павлов в статье "Белинский как эмбрион, или спасибо Винникову" (Молоко. – 20.03. 2010). *(Здесь и далее сокращения в указании источников информации. На сайте без сокращения.* – **Редакция.***)*

Поэтически главную сущность прогрессистов-общечеловеков очень точно выразил Григорий Печерин (эмигрант, принявший католицизм; кстати, и В.Белинскому Ф.Достоевский предрекал судьбу эмигранта и приживальщика):

Как сладостно отчизну ненавидеть!
И жадно ждать её уничтоженья!

Но самое страшное, что чужебесием-русофобией была заражена большая часть интеллигенции, творческих и деловых людей, которые, по сути, объявили негласную войну традиционной России. Василий Розанов вспоминал, что в гимназиях и университетах преподаватели воспитывали ненависть к России и желание уничтожить её.

Ф.М. Достоевский, один из самых последовательных оппонентов западников-либералов, с горькой иронией констатировал: "Пусть всё вокруг нас и теперь ещё не очень красиво; зато сами мы до того прекрасны, до того цивилизованны, до того европейцы, что даже народу стошнило на нас глядя. Теперь уже нередко нас совсем за иностранцев считает, ни одного слова нашего, ни одной книги нашей, ни одной мысли нашей не понимает, – а ведь это, как хотите, прогресс" *(Селезнёв Ю. Подвижники народной культуры).* Так великий русский писатель обозначил языковую и духовно-ментальную пропасть, разделившую россиян на два лагеря: прогрессистов-космополитов и консерваторов-традиционалистов. Представителей последних становится с каждым днем всё меньше. Вот и Валентин Распутин ушёл…

Сегодня уже мало кого "тошнит" от "прогресса" в СМИ и в либеральных головах, "прогресса", который ведёт нас к гибели. Иван Ильин когда-то очень точно заметил: люди часто верят и служат тому, что их разрушает *(Ильин И. Путь духовного обновления).* Примеров тому множество. Мог ли кто-нибудь в России лет тридцать назад представить, что будет возможно существование движения, подобного "чайлдфри" ("свободные от детей"). "Примерно каждая пятая москвичка в возрасте 30-40 лет заявляет, что не собирается иметь детей. По России показатель ниже – примерно каждая пятнадцатая" *(Березовская Е. Движение "чайлдфри" – "свободные от детей" – набирает обороты в России и Европе).* Тогда трудно было представить и то, что кому-то в голову придёт мысль предложить ребёнку выбрать свой пол.

В одном ряду с такими новшествами стоит и институт Ювенальной юстиции, абсолютно чуждый нам во всех отношениях. Об этом "отчаянно кричат" заголовки статей в интернете (видимо, написанных остатками того самого "простого народа"): "План по изъятию 180 тыс. детей из семей. Ювенальный кошмар", "Чем грозит ювенальная юстиция", "Ювенальная юстиция – инструмент уничтожения", "Казнь родителей ювенальными судьями", "Глобализация против семьи"… и даже "Путин возглавил борьбу против ювенальной юстиции" *(Мороз А. Путин возглавил борьбу против ювенальной юстиции).* Но тщетно. "Прогрессивной" общественности виднее. И сегодня законодательно и практически Ювенальная юстиция – реальность нашей жизни.

Среди "прогрессивных" тенденций современности, продвигаемых многими СМИ, журналистами, телеведущими, выделяется стремление лишить нас национальной гордости, исторической памяти, самодостаточности, самобытности, – Родины.

В связи с грядущим 70-летием со дня освобождения Ленинграда в начале 2014 года на "Дожде" состоялось интервью с писателем Виктором Ерофеевым, который в качестве редактора, автора, ведущего отметился на канале "Культура", радио "Свобода" и др. Кроме этого, с 1998 года В.Ерофеев был членом комиссии по Государственным премиям при Президенте РФ. Пригласили его по нескольким причинам. Во-первых, Ерофеев писатель, а "писателю полагается осмысливать и историю, и сегодняшний день во всем их объёме". Во-вторых, его бабушка и дедушка – блокадники. То, что Ленинград не сдали, Ерофеев считает людоедством: "И надо сказать, что вот это людоедство, эта бесчеловечность, она же до сих пор и осталась, этими генами ушла в нас". На этом редакторы "Дождя" не остановились и инициировали опрос: "Нужно ли было сдать Ленинград?", что вызвало в обществе взрыв негодования.

В унисон с русофобами разных мастей – от американских до украинских – российские прогрессисты пытаются перечеркнуть нашу Великую Победу и поставить воинов, спасших мир от фашизма, в один ряд с гитлеровскими преступниками.

Так, Александр Подрабинек (главный редактор агентства "ПРИМА-News", главный редактор газеты "Экспресс-Хроника", корреспондент Международного французского радио в Москве) настаивает: "Пора прекратить лицемерные причитания о чувствах ветеранов, которых оскорбляют нападки на советскую власть. Зло должно быть наказуемо. Его служители – тоже. Презрение потомков – самое малое из того, что заслужили строители и защитники советского режима" *(Подрабинек А. Письмо советским ветеранам).*

Ещё раньше российский журналист Александр Минкин ("Московский комсомолец", "Московские новости", "Огонек", "Новая газета") озвучил то, на что многие прогрессисты сегодня уже не решатся: "Может, лучше бы фашистская Германия в 1945-м победила СССР. А ещё лучше б – в 1941-м!" *(Минкин А. Чья победа?).*

Разные исследователи писали о механизмах подготовки государственного переворота, смены власти. Сергей Кара-Мурза в книге "Власть манипуляции" вспоминает об учении Антония Грамши: "Гегемония опирается на "культурное ядро" общества, которое включает в себя совокупность представлений о мире и человеке, о добре и зле, прекрасном и отвратительном, множестве символов и образов, традиций и предрассудков, знаний и опыта многих веков. Пока это ядро стабильно, в обществе имеется "устойчивая коллективная воля", направленная на сохранение существующего порядка" *(Кара-Мурза С.Г. Власть манипуляции).* И вся разнонаправленная деятельность наших "прогрессистов" XIX-XXI веков была направлена на ослабление и уничтожение этой "коллективной воли".

Великая Отечественная война – одна из немногих сохранившихся "молекул" нашего "культурного ядра". Осознание победы в этой войне как величайшего подвига наших соотечественников пока ещё объединяет многих людей, делает их духовно близкими друг к другу. Последствия разрушения этой скрепы очевидны.

Десокрализация победы в либеральных СМИ сопровождается перечеркиванием подвига конкретных героев Великой Отечественной. Наши прогрессисты на рубеже 80-90-х гг. минувшего века начали свою святотатскую деятельность с глумления над памятью о Зое Космодемьянской и Александре Матросове. Сегодня очередь дошла до 28 героев-панфиловцев. Поразительно и во многом закономерно, что в год 70-летия великой Победы не на Украине, в Польше или в США, а в России директор Госархива С.В. Мироненко поставил под сомнение ставший хрестоматийным в сознании нескольких поколений соотечественников подвиг под деревней Дубосеково. А в интервью газете "Комерсантъ" Мироненко заявил, что пакт Молотова-Риббентропа был стратегической ошибкой и даже преступлением *(Мироненко С. "Разоблачение фальсификатора и изготовленной им фальшивки неизбежно").*

Подобное утверждение, озвученное ещё в 1987 году на Пленуме творческих союзов Латвийской ССР, подробно прокомментировал публицист, полномочный посланник II класса Михаил Демурин в статье "Однобокая правда": "Установка открывать "не всю правду", прятать её за потоками сомнительных фактов, цифр, цитат и т.д. или вообще искажать её – всё это активно используется Западом для разрушения России, переформатирования стран Центральной и Восточной Европы, провоцирования русофобских настроений на Украине, в Молдове, Грузии, других странах" *(Демурин М. Однобокая правда).* Из статьи следует, что оценить тот или иной исторический факт можно лишь в неразрывной связи с другими многочисленными фактами и в контексте времени. Сам по себе факт, оторванный от исторической действительности, при неверной интерпретации может из реальности превратиться в ложь, стать основой для фальсификации истории.

М.Демурин завершает свою статью предупреждением: "Западные "партнёры" настойчиво внушают мировому общественному мнению и, главное, нашим согражданам, что политическое устройство СССР 1930-1940 годов якобы было аналогичным режиму нацистской Германии, что на СССР лежит ответственность за начало Второй мировой войны, что мы должны каяться перед всем миром за "жертвы сталинизма". Если согласимся с этим, то дадим, как некогда "историки"-горбачевцы, отмашку дальнейшему разрушению нашей страны".

Наши прогрессисты, наши либеральные СМИ всегда с восторгом воспринимают любые инфоповоды, направленные на дискредитацию России. И вот уже обозреватель "Новой газеты" Ирина Петровская (которую в одном ряду с Ксенией Собчак, Иваном Ургантом, Юрием Ростом главный редактор "Комсомольской правды" В.Сунгоркин на встрече со студентами факультета журналистики КубГУ назвал образцом современного журналиста), откликаясь на историю с героями-панфиловцами, восклицает: "Мы рождены жить здесь во лжи, мифах, в легендах, которые никто не должен подвергать сомнению" *(Петровская Е. Интервью. Человек из телевизора).*

Юрий Селезнёв очень точно подметил: "Прогресс, изменение, новаторство – двигатели жизни, но только в том случае и до тех пор, пока они находятся в пределах устойчивости, сбережения наиболее существенного в том, что они изменяют". Исследователь многократно повторяет в своих трудах мысль о "законе единства традиции и новаторства". На мой взгляд, этот "закон", являющийся естеством для любого духовно здорового издателя, редактора, журналиста, постоянно нарушается и будет нарушаться нашими прогрессистами, ибо ими движет ненависть к России.

Вот так встреча!

В конце октября студенты факультета журналистики кубанского госуниверситета побывали на встрече с Владимиром Вяткиным, известным фотографом, профессором МГУ. Лекция мастера стала для некоторых открытием, каким же стало это открытие, я постараюсь разобраться.

Встреча длилась полтора часа, за всё это время я услышала много интересных вещей: Вяткин говорил о своей жизни, об опыте, полученном с годами, о своих увлечениях, о фотографии и о студентах. На вопрос о том, как проходят первые пары у известного профессора, он ответил: *"На первом занятии я своих студентов унижаю, оскорбляю, чтобы они ушли из фотожурналистики, а с теми, кто остаётся, мы уже работаем".*

Не то чтобы я не могу оценить методику преподавания *такого* профессора, но оскорбления и унижения студентов выглядят, по меньшей мере, нелицеприятно. Но они меркнут перед другим фактом, который озвучил фотограф: *"Когда студентки приходили ко мне, я наливал им водки, и они лежали на диване, глядя на фотографии, наклеенные на потолок".*

Признаюсь, заявление совершенно неоднозначное, и я даже боюсь подумать о том, зачем же девушки пили водку с преподавателем, и уж тем более лежали на его диване. Подобные высказывания ставят под сомнение звание профессора МГУ, ведь университет считается одним из лучших в стране, а если там творится такое, что же говорить об учебных заведениях не столь венценосных? Если такова реальная картина вузовской действительности и методов *такого* высшего образования, то в стенах нашего кубанского журфака происходят, несомненно, провинциальные глупости: элементарно – лекции, практические занятия, конференции, научные работы. Ну никаких тебе диванов и стаканов с водкой. Какая жалость!! Видимо не достичь нам тех вершин, что покоряют московские студенты. Признаюсь, я думала, что после всех своих откровений о работе в университете Вяткин уже не сможет меня удивить ничем, ведь дальше уже некуда. Но откровения лились из рога изобилия и раскрывали их автора всё с менее и менее приятной стороны. Одна из студенток, сидевших рядом со мной, не выдержала и тихо прокомментировала слова профессора: "Пошляк! Так испачкать слово "женщина" – талант нужен". Не могу не согласиться с ней! Слишком многое из сказанного Вяткиным звучало пошло, грубо и неприлично.

Когда он заговорил о фотографии и мастерстве автора снимков, мне на мгновение показалось, что этот человек ещё не потерян для общества. Я нашла весьма ценную мысль в потоке его изречений: "Учитесь фотографировать не у фотографов, а у художников". Полагаю, что эта идея стала самой важной и, пожалуй, единственно верной из тех, что транслировал профессор МГУ. Благодаря этой фразе я даже решила, что он всё ещё способен к здравому продуктивному мышлению. Ведь идея действительно глубокая. Учиться у художников. Почему? Ответ прост: художник более осмысленно подходит к работе. В творениях Васнецова, Репина есть не только безукоризненный технический педантизм, но и глубина мысли. Так и фотограф должен подходить к своей работе: кропотливо, с сознанием дела, со смыслом. Надеюсь, что я правильно поняла идею Вяткина, потому что, повторюсь, она единственно адекватная среди потока его мыслеизречений.

Ближе к концу лекции у меня сложилось двоякое впечатление: с одной стороны, маячил диван со студентками, с другой – сакральная профессорская мысль. К тому же, надо сказать, что среди снимков, которые он демонстрировал как профессионал, были и такие, которые понравились главному брюзге – мне. Я уже было подумала, что так и останусь в смятении: куда же отнести Вяткина, как говорится, к "добру" или "злу". Но к счастью ли, к сожалению ли, на финишной прямой именитый профессор выдал такую "сакральную" фразу, после которой я не могу отнести его даже к категории "зло".

Он коснулся вещей глубоких, тонких, но тех, которые ему абсолютно чужды. Вяткин сказал: *"Путь к душе человека лежит через его задницу и толстую кишку".* После этого заявления я смело могу признаться, что для меня облик этой аморальной и недалёкой личности был завершён. Да и не только для меня. Кубанские студенты – ручаюсь! – никоим образом не слеплены из того теста, из которого пытаются *выпекать* такие вот *профессора* студентов МГУ. Может ли человек умный, образованный – творческая личность – говорить подобное? У меня вообще возникает вопрос, умеет ли этот человек читать? Ведь если умеет, то читал же, скорее всего, Пушкина, Гоголя, Достоевского, Толстого? – Но, видимо, великие умы не смогли повлиять на воспитание души фотографа из МГУ.

Очень печально, что человек с таким взглядом на мир имеет право преподавать, да ещё в одном из лучших университетов станы. К тому же эти его "сакральные" идеи передаются будущим журналистам, то есть тем, кто формирует общественное мнение, тем, кто может повлиять на моральный облик нации. После таких встреч становится боязно за будущее нашей журналистики и страны в целом.

Анастасия МАНУКЯН

Метафизика Юрия Мамлеева

Алексей МАМОНТОВ

Творчество этого уникального писателя невозможно постичь, не отрешившись от некоторых нелепых поверхностных представлений, например, о том, что его герои – какие-то инопланетяне, занесённые в наш мир дикой фантазией, или что они – типичные клинические монстры, необходимые автору лишь для проведения психологических опытов.

Герои книг Мамлеева – это все мы *и* каждый из нас *в отдельности. Нам не остаётся ничего иного, как откровенно признать наличие потаённых глубин в человеческих душах, не закрывая глаза на собственное естество, даже если оно вот такое, мягко говоря, непригляднoе, "мамлеевское".*

Поучимся у этих персонажей: они никогда не лгут о себе, хотя они-то и есть великая ложь мира сего. Мы будем глядеться в них как в зеркала, дабы хорошенько узнать самих себя, порабощённых лукавой лестью со стороны окружающих, собственным метафизическим невежеством и "нечистыми" помыслами. Но будем и помнить, что между нами и отражением есть всё-таки некоторая разница. Итак, окунёмся с головой в жуткий и до боли знакомый мир мамлеевской прозы…

Странное дело! Прежде, чем в руки читателей попадают книги Юрия Мамлеева, они уже находятся во власти слухов, что писатель – маргинал. До чего же абсурдна эта маргинализация автора! Ибо нечасто в истории литературы встречаются столь показательные примеры, когда личность писателя имела бы так мало общего со своими персонажами. Но ведь именно степень устойчивого *отстояния автора* от своих литературных произведений во все времена считается их объективным достоинством, свидетельствующим о предельном воплощении творческой идеи в соответствующую художественную форму.

Юрий Мамлеев исследует феномен *человеческой природы* вне зависимости от социальных, политических и прочих условий. Более того, все эти условия сознательно пренебрегаются писателем как малозначительные, преходящие. Дух исследуется в чистом виде, без примесей. Но несмотря на то, что герои Мамлеева есть "твари человеческие" вообще, они, конечно же, есть прежде всего *русские люди*, носители русской ментальности. Да и в самом повествовании автор не мог обойтись без реалий нашего времени: в бытовых перипетиях коммунальных квартир, в безликих пятиэтажках, в шумных электричках, в пивных ларьках видимой, порой искажённой стороной всегда присутствует сакральный образ России Вечной – столь любимой Мамлеевым, но зачастую такой невыносимой в повседневной жизни.

Писателю есть о чём поведать нам, поэтому, в отличие от постмодернистов, он не усложняет стилистику своих произведений: она предельно ясна для того, чтобы за ней было видно сложное. Сам Мамлеев признаётся, что в своём творчестве он хочет показать некую *человеческую монаду.* И выявляет её весьма убедительно, живо, метареалистично. Однако будем откровенны: дик и страшен мир этих монад, с их метафизическими "бурями и страстями". И зачем, зачем писатель столь жестоко срывает с них личины культуры, социальности и морали, выставляя их наготу на всеобщее обозрение?! Не для того ли, чтобы доказать обратное: при всей инфернальной неуловимости человеческой природы, огромное значение (и даже ценность) может иметь как раз "шелуха" внешних обстоятельств – культура и социальность, привычки и мораль. Вполне возможно, что монады-души только тогда становятся "человеками", когда, в условиях земного бытия, начинают наращивать вокруг своего Я ауру индивидуальности, осознавая себя в мышлении и проявляя свои способности в иррациональной деятельности.

Можно сколько угодно повторять, что герои Мамлеева – инопланетяне и монстры, но это значит, что ничего путного о них так и не сказано. Не с луны же они, в конце концов, свалились! Можно соглашаться, что многие из них преступили нравственные законы, поминутно впадая в демониакальный мистицизм, открывая свои души для всякой нечисти и редко когда – для Бога (хотя и не отрицают его). В крайнем случае, можно утверждать, что они вообще не человеческие образы, а образы Тёмных Сил, т.к. их душами безраздельно владеют страсти самого низкого пошиба. Всё вышеперечисленное имеет место быть, но всё и гораздо сложнее.

Для прояснения ситуации проведём сравнительный анализ героев Мамлеева с героями Ф.М. Достоевского. В романах последнего показано трагическое столкновение и борьба идей, которые угнездились в душах героев. В произведениях Мамлеева герои не сражаются насмерть друг с другом, ибо, во-первых, они *уже* не являются носителями возвышенных идеалов, а, во-вторых, все они давным-давно разбрелись по своим безднам, замкнутым настолько, что между ними почти нет точек соприкосновения. Им достаточно тихого ужаса "своих" бездн. И хотя порой их обуревают страсти, природа этих страстей, как правило, ими не осознаётся.

Герои Достоевского страдают, герои Мамлеева *уже* не могут либо не способны осмысленно страдать, – они только пребывают в томлении упорном и бесконечном. В этом своём *томлении* они близки к какой-то удивительной нирване. Герои Достоевского по временам прозревают либо грезят Светом. Герои Мамлеева никогда не видели и не увидят Свет, – разве что Божество сжалится над ними в каких-то иных, непостижимых сферах и явит им Своё Сияние. Ибо тяготеет над ними проклятие такой тяжести, непомерных мук которого ещё не знали предшествующие эпохи.

Проклятие "греха" и впрямь неведомо героям Достоевского, – вот почему они так опрометчиво жаждут взять его на душу. Герои Мамлеева припечатаны, раздавлены этим проклятием, так что и вскрикнуть не моги. Но – самое безнадёжное! – смысл происходящего опять ускользает от них… И всё потому, что они подлинные детища XX века, с его предельной механистичностью, обездушенностью и обезбоженностью. Каждый из них – законченный мир, чудовищный в своей завершённости. Вне их – только Бог и Дьявол. Однако именно изолированность их миров от источников роковых тайн и порождает в мамлеевских героях непонятное им самим метафизическое беспокойство. Им, как и множеству из ныне живущих на Земле людей, не ведомы ни Бог, ни Дьявол. Но предчувствие оных сильно, оно томит и сжигает изнутри, вызывая потребность в утешении – в знании Истины. Найдут ли они её?

Герои Мамлеева живут так, как жили бы все мы, если бы каждая наша мысль, любой душевный помысел не сдерживались под влиянием общественных моральных норм, чувства приличия, а непосредственно материализовывались, становясь *деянием*. В этом отношении их мир имеет несколько иную организацию по сравнению с нашим обыденным миром, поскольку ему ведомо тождество между помыслом и деянием. Для мамлеевских героев нет деления мира на внутренний и внешний. Это не значит, что объективная реальность воспринимается исключительно через их субъективные ощущения и в таком искажённом виде предстаёт перед читателями. Для автора, как трансцендентного созерцателя мира своих героев, реальность чётко различима. Будучи только проводником, он даёт читателям возможность самим разобраться в объективности и субъективности происходящего.

Юрий Мамлеев не устаёт напоминать о своей приверженности принципам *метафизического реализма.* Термин требует разъяснения. В самом деле, ведь некогда в литературе уже были заявлены и "мистический анархизм", и "социалистический реализм". В чём отличие от них реализма метафизического?

Если следовать логике, то всё сущее реально: и земная действительность, и грёзы художника, и мир идеальных сущностей. Получается, что метафизический реализм есть некий *всереализм,* вмещающий в себя все виды реализма. Однако Мамлеев протестует против такой трактовки метафизического реализма. В своей книге "Судьба бытия" он пишет, что "настоящее искусство, как таковое, всегда имеет дело с подлинным, с реальным, и обладает способностью проникать за поверхность явлений. Правда, в искусстве может иметь значение и чисто субъективное начало (ибо наши переживания, фантазии – тоже своего рода реальность), но это не лучший вариант искусства. Поэтому метафизический реалист меньше всего должен быть романтиком; он должен быть сверхреалистом, что, конечно, включает, как начальный момент, глубокое знание видимой жизни". И далее из этой же книги: "Для сюрреалиста или фантастического реалиста потустороннее "фантастично", субъективно, т.е. вытащено из собственного подсознания. Для метафизического реалиста потустороннее реально, поскольку он обладает возможностью в него проникать".

Итак, метафизический реализм – это *реализм потустороннего*, даже если это потустороннее находится внутри нас. Можно дать образное определение, условно приняв Вселенную за большой дом: писатель-реалист пишет о том, что происходит *в этой* комнате, а писатель-метареалист в основном повествует о событиях, происходящих *в других* комнатах дома. Только и всего.

Проза Мамлеева – это цепная реакция мыслеобразов, когда один мыслеобраз порождает другой, и так до бесконечности. Если прервать этот поток, исчезнет метафизический кошмар, однако прервётся и само бытие, ибо оно-то как раз и состоит, подобно масштабному мозаичному полотну, из переплетений замысла и его осуществления, деяния и неделания, сна и бодрствования, земного и небесного, жизни и смерти. Последнее особенно актуально. Есть даже смысл умереть нам в мамлеевских персонажах… чтобы воскреснуть!

Не кажется ли вам порой, что Мамлеев с каким-то болезненным упоением смакует, будто торт со взбитыми сливками, откровенные мерзости своих героев? Не от порочности, а от великого отчаяния автора происходит сие! Не он сотворил этих отпетых типов, а, напротив, они породили эту мучительную прозу. Мамлеев не судья над ними. Автору остаётся лишь отчаянная решительность, с которой он бросается в омут решения "проклятых вопросов". Вспомним, что подобное *отчаянное отчаяние* было свойственно и Ф.К. Сологубу, и самому Ф.М. Достоевскому.

Мамлеев действительно не циник. В его произведениях откровенным, предельно обнажённым языком глаголет сама *метафизическая правда,* прошедшая через душу писателя. Если облечь её в формы приличия, например, какой-нибудь пресловутой "политкорректности", она превратится в ложь, т.е. перестанет служить Истине. На это Мамлеев не пойдёт никогда. Дабы понять, во что обходится ему прямота честного художника, вспомним слова Ф.Ницше: "Если ты долго вглядываешься в бездну, то бездна тоже смотрит в тебя".

Ещё один важный момент. При всей метареалистичности в обрисовке героев писателя, нельзя не отметить их стойкую *иллюзорность.* Кажется, махни рукой на эти призраки – и они развеются дымом. Призрачность мамлеевских персонажей можно объяснить тем, что, находясь в плену у несовершенного мира, они сами стали жертвами его естества. А всё несовершенное, ввиду закономерной обречённости на исчезновение, имеет *призрачную природу.* Вечны и неизменны только идеальные сущности.

Однако было бы смешным вообще отрицать реальное существование призраков. Уж коли существует *Ничто,* хотя бы на основании того, что нет вещей и явлений без имени, то мамлеевские герои-призраки, как порождения мыслеобразов, существуют и подавно. Они абсолютно реальны даже в своей призрачности, хотя их бытие, как указывалось выше, есть ложь.

Древнегреческий философ Плотин, характеризуя материю, замечает, что "она обманчивый призрак, лживый образ действительности. Или, иначе говоря, она есть воплощённая ложь, истинное небытие. И не имея в действительности никаких точек соприкосновения с бытием, она находит своё истинное выражение в мире небытия. Поэтому, для того, чтобы существовать, она должна не существовать в действительности, а для того, чтобы быть совершенно непричастной миру истинного бытия, она должна существовать в мире небытия. Ведь, если мы лишим призрачное бытие его призрачности и если мы придадим характер действительности тому, что по природе своей является потенциальным бытием, то мы тем самым уничтожим специфическую форму его существования, которая обладает бытием лишь в возможности". Всё это в полной мере относится и к природе героев писателя, тёмные стороны которых мы попытались прояснить.

Можно ли найти литературных предшественников Юрия Мамлеева? При внимательном прочтении его книг чувствуется знакомство автора с "Записками из подполья" Ф.М. Достоевского и некое созвучие стилистике Д.С. Мережковского и Ф.К. Сологуба. Однако в двух последних случаях говорить о влиянии, по-видимому, не стоит, – просто мистики всех времён, связанные устремлённостью к запредельному, для выражения своих идей имеют сходные черты и в языке. Мамлеев не был бы Мамлеевым, если бы испытывал чьё-нибудь особенное влияние. Его рассказы и роман "Шатуны" в высшей степени оригинальны: кроме него, так не напишет никто. И если оценки самого мучительного произведения писателя – романа "Шатуны" – до сих пор разноречивы, то о рассказах его, бесспорно, можно сказать: они *классичны.*

Чем вообще отличается классическое произведение литературы или искусства от прочих творений? Тем, что оно *узнаётся* при первом же знакомстве с ним. Но не тем узнаванием, с каким, например, читаются слабые, подражательные, вторичные книги, а как бы ещё и с предчувствием его. Ибо всё посредственное, преходящее *может и не быть*; классическое же *не может не быть,* – вот, в чём отличие их друг от друга. Идея классического произведения литературы и искусства *предвечна*, она изначально укоренена в бытии, но раскрывается лишь *в творческом акте*, благодаря которому чуткий читатель либо зритель узнаёт и воспринимает эту идею как старую добрую знакомую. В своём совершенном, классическом варианте не могли не явиться в мир и рассказы Мамлеева.

И последнее. Принципиальная заострённость автора только на внутреннем мире героев, вне социального и политического контекста, с одной стороны, создала литературу, не подвластную "властям и времени"; с другой – именно аполитичность авторской позиции позволяла в недавнем прошлом определённым окололитературным силам грубо трактовать творчество Мамлеева в угодном им идейно-политическом смысле. Сегодня с этим покончено, проза Юрия Мамлеева прошла стадию "натурализации", и можно с полным правом утверждать, что она представляет собой одно из вершинных достижений русской литературы XX века.